

Современная икона всех святых,
в земле русской просиявших

архимандрит Владимир (Швец)

РУССКОЕ МОНАШЕСТВО

Моя жизнь длительное время проходила под руководством о. Геннадия Давыдова, в монашестве схиархимандрит Григорий. Вы себе не представляете, как это было сложно, потому что это был необычный человек – духовник всей России, Украины и, в частности, Белгородской области. Он служил в с. Покровка Белгородской области. Я часто туда наезжал, чтобы ему как-то помочь, потому что очень много было забот, работ. Различные послушания были, и я их старался выполнять. Поэтому начать свою лекцию о феномене русского монашества мне бы хотелось именно с биографии этого удивительного, поистине святого человека, которого мне посчастливилось встретить на жизненном пути.

Старец Геннадий родился в 1911 г., а умер в 1987 г. Служение старца Геннадия проходило в с. Покровка, недалеко от Белгорода. Здесь проходили ожесточенные бои Курской дуги и храм был почти разрушен. Пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить его. С первых дней служения старца Геннадия в Покровке, а он начал служить здесь в конце 1957 г., к нему потянулся народ. Старец обладал особым даром слова. Его проповеди доходили до каждого сердца. Служение старца происходило сосредоточенно, собранно, благочинно. В храме стояла тишина. Старец был прозорлив. Мог открыть на исповеди грехи, в которых духовные чада не признавались даже самым близким. Знал о внутреннем состоянии души исповедника. Когда у старца спросили, можно ли отпеть священника, который покончил жизнь самоубийством, старец на следующий день ответил, что священника надо отпевать как убиенного. Вскоре выяснилось, что этого священника действительно задушил староста храма. Молодой человек, пришедший к старцу за благословением на брак, показал ему фотографию невесты, и старец сказал: «Так она же без креста». Девушка действительно была некрещеной, но не знала об этом. Как-то к старцу приехала паломница с просьбой помолиться о больной сестре, которая находилась при смерти. Старец сказал: «Сестра твоя будет жить,

а ты готовься». Что и сбылось. Сестра выздоровела, а паломница через три месяца умерла. Военному, которого отправляли в Афганистан, старец сказал: «В Афганистан, говоришь? Да-а, плохо, плохо... Но ничего, вернешься через год. Самое большее через год и два месяца». Тогда еще никто не знал о выводе войск из Афганистана. Через год этот военный должен был вернуться из Афганистана с первой группой войск, но затем вывод его части отложили на два месяца, и он приехал в срок, предсказанный старцем, без единой царапины. Когда отца Геннадия спросили, почему так рано умер один молодой человек, которого старец не знал, старец ответил: «Значит, он стал в тягость многим людям». Впоследствии узнали, что он действительно отравлял жизнь нескольким семьям. Время от времени у старца Геннадия обострялись болезни, которые тянулись еще со сталинских лагерей, со ссылки. Болящий старец сам посылал своих духовных чад к врачам, благословлял на необходимые операции. Но перед этим требовал серьезно поисповедоваться, причаститься, пособороваться, отслужить молебен. Старец говорил, что, по словам Сираха, врачевство от Бога, и советовал, помолившись Господу, призвать врача, чтобы Господь умудрил его. Но прежде, чем обратиться к врачу, говорил старец, нужно покаяться в своих грехах с семилетнего возраста, причаститься, пособороваться, отслужить молебен о здравии, и тогда Небесный Врач поможет земному врачу и тот сотворит чудо исцеления. В последние годы старец Геннадий заметно ослабел, ходил с палочкой, услышав бой часов, старец крестился и говорил: «Еще на один час ближе к смерти». Но в болезнях он оставался бодрым духом, старался не пропускать ни одного богослужения, любил пошутить. Однажды женщина пожаловалась: «Батюшка, ноги болят». И старец, едва ходивший сам, ответил: «Возьми мои». В апреле 1985 г. старец Геннадий был пострижен в схиму с именем Григорий. 19 июля 1987 г. старец схиархимандрит Григорий (Давыдов) отошел ко Господу.

Эти слова о великом старце нашей современности я не случайно вам сказал, потому что он выразитель настоящего русского монашества.

Монашество должно оставаться яркой свечой

Если есть свобода, то есть и несвобода. Все мы хорошо знаем, что несвобода существует, об этом знали и древние, но только в христианстве открывается источник этой несвободы. Таковым источником является сам человек, согрешивший и подпавший под власть греха, под власть похоти плоти. А что такое похоть? Ведь у плоти есть естественные потребности: если мы не едим, не пьем, не дышим, мы умираем, и прекращается род человеческий. Все эти естественные потребности вложены Богом в чело-

веческую природу, а значит, не они лишают человека свободы, а похоть плоти, о чем говорят святые отцы. А что же такое похоть? А это потеря контроля над плотью, когда она захватывает все жизненное пространство и человек все свои силы посвящает угождению плоти. Какая же тогда свобода? Как может человек чувствовать себя свободным, если он становится рабом похоти?

В глубокой древности люди понимали опасность этой несвободы, и религиозные установки помогали человеку контролировать свои мысли, желания и поступки. Все это происходило потому, что люди сознавали наличие естественного нравственного закона, который Бог вложил в природу человека, ведь совесть восставала против похоти плоти, а потому и религиозное послание миру было наполнено предупреждениями об опасности жить по закону плоти. Поражает, как древнейшие системы законодательства отображали этот Божественный нравственный закон, данный Богом в виде десяти заповедей. Но похоть плоти – это могущественная сила: она замутняет сознание, парализует волю, она постоянно повышает планку потребления, будоражит сознание все новыми и новыми целями, которых человек якобы должен достичь, чтобы стать богатым, успешным, процветающим, комфортно живущим. Однако, идя по этому пути, человек становится рабом похоти плоти, а значит, теряет свободу.

Лишь следуя велениям Духа человек становится хозяином своей жизни. Он не следует слепо голосу похоти плоти, он имеет возможность выбирать, причем выбирать не только то, что греет тело, но и то, что согревает душу. Он может делать важный мировоззренческий выбор.

И как замечательно все это воспринимается через опыт монашества, в том числе нашего русского монашества, самым ярким выражением которого было, наверное, Оптинское старчество! Это была действительно община свободных людей, которые свободно подчинили свой разум и свою волю Божию закону и стали неприступны для похоти плоти.

Сказанное должно быть очень понятно для людей, желавших или принявших монашеский образ. И как важно, чтобы и в наши монастыри не проникали эти страшные веяния времени, эти подмены, этот обман, который связывает свободу не с подлинной свободой человеческого духа, а только со свободой удовлетворять похоть плоти, толкая на самые тяжелые нравственные преступления! Монашество должно оставаться яркой свечой, которая призвана гореть в современном мире, и в этой верности избранному монашескому пути нас должны охранять не только монастырские стены, потому, что сегодня и сквозь стены проступает всеобъемлющий глобальный информационный поток, но и сила веры, сила нашего призвания и сила нашего благочестия.

Из истории русского монашества

Древнерусское христианство – это греко-православное христианство. Пришло оно на Русь из Византии; приняв его, Русь включилась в религиозно-культурный мир Восточной Церкви. Церковная жизнь на Руси складывалась в тесной взаимосвязи с развитием духовной культуры Восточной Церкви, особенно в ее византийском выражении.

Становление государственности протекало у восточных славян в VI–IX вв., завершилось оно созданием Киевского государства. В эту эпоху славяне поддерживали хозяйственные связи с Северным Причерноморьем, с Крымом и Константинополем. Вся Черноморская область уже с I столетия была ареной христианской проповеди. К IV в. относятся первые исторические свидетельства о греческих епископах в Крыму. Христианская проповедь распространялась там весьма успешно, со временем число кафедр выросло до пяти; епископы Крыма окормляли не только греко-христианское население Крыма, северной Таврии, северного и юго-восточного побережья Азовского моря, но и кочевые племена обширных степных пространств.

Христианская проповедь Византийской Церкви достигла и восточных славян. Сейчас уже совершенно неопровержимо доказано, что христианство проникло в Киевское государство задолго до обращения князя Владимира (988–989 гг.).

Поместная Русская Церковь как новообразованный диоцез получила от Константинопольской патриархии – своей Матери Церкви – учение, каноны и устав. Ее богослужебным языком стал церковнославянский, плод великих трудов св. апостолов славян Кирилла и Мефодия, – язык, которым Византийская Церковь уже в течение столетия пользовалась для своей проповеди среди славян.

Монашество занимало тогда в жизни Восточной Церкви особое место. Появившись на Руси, оно встретило у народа вполне благожелательное отношение, быстро распространилось по стране и оказывало значительное влияние на церковные дела, да и на многие другие сферы древнерусской жизни, на государственность и культуру. Причины этого коренятся в истории восточного монашества, и, в особенности, в том, что, как мы знаем теперь, иночество проникло на Русь до официального принятия ею христианства и долго служило примером истинного христианского благочестия.

В пору обращения Руси, в канун X в., монашество Восточной Церкви приобрело уже законченные черты. Здесь достаточно будет дать лишь самый краткий и схематический очерк его становления.

Для русского иночества, для обретения им своего особого места в жизни Церкви расцвет византийского монашества имел чрезвычайно важные последствия. Эхо иконоборчества и роль, которую сыграли монахи в его преодолении, в пору Крещения Руси были еще живым воспоминанием. И мы, обозревая историю русского благочестия, не должны удивляться тому великому почитанию, которым окружены были в религиозном сознании древнерусского человека святые иконы и «равноангельный чин» монахов. В истории становления древнерусского монашества можно увидеть связь с событиями иконоборческой эпохи, – связь не внешнюю, но внутреннюю, духовную.

Уже при первой вспышке иконоборчества многие исповедники Православия бежали в Таврию и Крым. Св. Стефан Новый († 767 г.), ревностный поборник иконопочитания, называл северные берега Черного моря, в направлении к диоцезу Зихия, надежным пристанищем для монахов-беженцев. В его житии читаем: «Византия осиротела, как будто все монашество было уведено в плен. Одни отплыли по Евксинскому Понту, иные на остров Кипр, а другие в старый Рим, а кто и в Киев».

До сих пор, к сожалению, нет материала для характеристики деятельности монашеской эмиграции в Киевском государстве. Даже сведения о самом начале христианства в этом государстве имеют большие пробелы: известно только, что христиане жили в этом государстве еще до крещения Руси, что у них был свой храм – церковь св. Илии; это видно из договора между Киевом и Византией от 944–945 гг. Среди этих христиан, несомненно, были подвижники, которые вели благочестивую, строго аскетическую жизнь. На память приходят первые киевские мученики – варяги, люди не-славянского происхождения, убитые в 983 г. Но внешних следов, которые бы указывали на древние монастырские строения или нечто подобное, обнаружить пока не удалось.

В древнейших русских источниках первые упоминания о монахах и монастырях на Руси относятся лишь к эпохе после крещения князя Владимира; их появление датируется временем правления князя Ярослава (1019–1054 гг.). Современник его, Иларион, с 1051 г. Киевский митрополит, в своем знаменитом похвальном слове, посвященном памяти князя Владимира, – «Слове о законе и благодати», которое он произнес между 1037 и 1043 гг., будучи священником при дворе, говорил, что уже во времена Владимира в Киеве «монастыреве на горах стаща, черноризцы явишася». Противоречие это можно объяснить двояко: вполне вероятно, что монастыри, которые упоминает Иларион, не были монастырями в собственном смысле, а просто христиане жили в отдельных хижинах вблизи церкви в строгой аскезе, собирались вместе на богослужение, но не име-

ли еще монашеского устава, не давали иноческих обетов и не получали правильного пострижения, или, другая возможность, – составители летописи, которая включает в себя «Свод 1039 г.», имеющий весьма сильную грекофильскую окраску, склонны были недооценивать успехи в распространении христианства в Киевской Руси до прибытия туда митрополита Феопемпта (1037 г.), вероятно первого в Киеве иерарха греческого поставления и греческого происхождения.

Под тем же 1037 г. древнерусский летописец торжественным слогом повествует: «И при сем нача вера хрестьянска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьце». И дальше летописец сообщает, что Ярослав основал два монастыря: св. Георгия (Георгиевский) и св. Ирины (Ирининский женский монастырь) – первые правильные монастыри в Киеве. Но это были так называемые ктииторские, или, лучше сказать, княжеские обители, ибо их ктиитором был князь. Для Византии такие монастыри были обычным явлением, хотя и не преобладающим. Из позднейшей истории этих обителей видно, что древнерусские князья использовали свои ктииторские права на монастыри; особенно это сказывалось при поставлении новых настоятелей, то есть можно говорить о точном повторении характерных для Византии отношений между ктиитором и основанным им монастырем. Такие монастыри обыкновенно получали наименование по имени святого покровителя ктиитора (христианское имя Ярослава – Георгий, а Ирина – имя святой покровительницы его супруги); эти обители становились потом родовыми монастырями, они получали от ктииторов деньги и другие дары и служили им семейными усыпальницами. Почти все обители, основанные в домонгольскую эпоху, то есть до середины XIII в., были именно княжескими, или ктииторскими, монастырями.

Совершенно иное начало было у знаменитой киевской пещерной обители – Печерского монастыря. Он возник из чисто аскетических устремлений отдельных лиц из простого народа и прославился не знатностью ктииторов и не богатствами своими, а той любовью, которую снискал у современников благодаря аскетическим подвигам своих насельников, вся жизнь которых, как пишет летописец, проходила «в воздержании, и в великом пощеньи, и в молитвах со слезами».

Об основании пещерного монастыря летописец повествует под 1051 г., в связи с рассказом о возведении на митрополичью кафедру священника церкви в Берестове (село к юго-западу от Киева, находившееся во владении Ярослава). Звали его Иларионом, и был он, как свидетельствует летопись, «муж благ, книжен и постник». Жизнь в Берестове, где князь

обычно проводил большую часть времени, была беспокойной и шумной, ибо там пребывала и княжеская дружина, поэтому священник, стремясь к духовным подвигам, вынужден был искать уединенного места, где бы он мог молиться в удалении от суеты. На лесистом холме на правом берегу Днепра, к югу от Киева, он вырыл себе маленькую пещерку, которая и стала местом его аскетических бдений. Этого благочестивого пресвитера Ярослав выбрал на вдовствовавшую тогда митрополичью кафедру и велел епископам хиротонисать его. Он был первым митрополитом русского происхождения. Новое послушание Илариона поглощало все его время, и теперь он лишь изредка мог приходить в свою пещерку. Но очень скоро у Илариона появился последователь.

Это был отшельник, который под именем прп. Антония известен как основатель Печерского монастыря. В его жизни многое остается для нас неясным, сведения о нем отрывочны. Его житие, написанное в 70-е или 80-е гг. XI в. (но до 1088 г.), которое, как установил А. А. Шахматов, было широко известно еще в XIII в., через три столетия оказалось утраченным.

Этот Антоний, уроженец города Любеча, близ Чернигова, имел сильное стремление к подвижничеству; он пришел в Киев, короткое время пожил там в пещерке Илариона, а потом отправился на юг. Был ли он на Афоне, как сказано в его житии, или в Болгарии, как утверждает М. Приселков (последнее представляется более вероятным), – не совсем ясно. Но этот вопрос для истории Печерского монастыря имеет лишь второстепенное значение. Житие Антония, которое было составлено в связи с очень запутанными церковно-политическими событиями в Киеве, говорит нам о благословении Святой горы на основание монастыря – возможно, с умыслом придать Печерскому монастырю, выросшему из аскетических устремлений русской среды, печать «византийского» христианства, связав его со Святой Афонской горой и представив его основание как почин Византии. После своего возвращения Антоний, как рассказывает житие, не удовлетворенный строем жизни в Киевском монастыре (это мог быть лишь монастырь св. Георгия), снова удалился в уединение – в пещеру Илариона. Благочестие Антония снискало у верующих такое великое почитание, что сам князь Изяслав, сын и преемник Ярослава, приходил к нему за благословением.

Важнейшим деятелем того времени был преемник св. Антония, св. Феодосий – в первый период его игуменства имело место введение общежительного устава Студийского монастыря. Из жития Феодосия можно узнать, что он стремился к самому строгому исполнению братией иноческих обетов. Труды Феодосия заложили духовное основание Киево-Печерского монастыря и сделали из него на два столетия образцовую древнерусскую обитель.

К внутреннему раздвоению монашества вело и то обстоятельство, что на его плечи легла великая задача национально-культурного просвещения. Древнерусская письменность, которая вся в той или иной степени имеет религиозно-нравственную направленность, вышла из монастырской среды. Не все сочинения были вполне оригинальны, но древнерусский писатель-монах вообще мало стремился к тому, чтобы непременно создать нечто новое. Причиной этого отчасти была недостаточная образованность церковных кругов, отчасти же – великое почитание книги вообще и религиозных творений в особенности, ибо они содержат в себе Божественную истину и человеческая рука ничего не смеет добавлять к ним от себя. И все-таки древнерусскими монахами создано немало произведений, несущих на себе печать творчества.

Здесь достаточно будет лишь подчеркнуть особую роль древнерусского инока в создании письменности Древней Руси и подробнее остановиться на двух ее жанрах: древнерусской проповеди и летописи.

Первая свидетельствует о религиозно-нравственном, а вторая – о национально-культурном служении монашества.

Возможно, проповедь XI–XIII вв., если ее рассматривать с историко-литературной стороны, не была вполне оригинальной. Важнее для того времени было ее содержание и то воздействие на людей, которое оказывало выраженное в ней христианское мировоззрение. В проповеди с христианской точки зрения говорится о слабости человеческой природы, осуждаются суеверия и грехи, указывается путь ко спасению. Эсхатологизм красной нитью проходит через религиозное мировоззрение русского человека с первых дней христианства на Руси. Как проповедники уже были упомянуты Феодосий Печерский и Авраамий Смоленский. «Слово о небесных силах» св. Авраамия имеет особую эсхатологическую окраску. Как и Феодосий, который проповедовал братии об основных началах иночества, Лука Жидята, епископ Новгородский († 1059), требовал от своей паствы хранить верность христианским основам жизни. По-другому проповедовал Кирилл, епископ Туровский, от которого сохранилось девять проповедей. Он стоял на более высокой ступени культуры и образованности, чем его современники. Проповеди, которые он произносил по случаю праздников литургического года – лучшая из них произнесена на Вознесение Христово, – были богословски глубоки и, может быть, не вполне понятны пастве, но они говорят о хорошем знании им Священного Писания, св. отцов и вообще о его незаурядной для того времени учености. Они очень хороши в литературном отношении, содержат в себе иносказания и притчи и характеризуют Кирилла как человека византийской церковной культуры.

Особое место в истории древнерусской проповеди занимает «Слово о законе и благодати» Илариона. В начале «Слова» Иларион сравнивает Ветхий Завет («закон») с Новым Заветом («благодатью»); Ветхий Завет – это лишь приуготовление к Новому Завету; во второй части «Слова» он говорит о князе Владимире, воздавая ему хвалу за то, что он просветил свой народ светом Христовой веры; третья часть «Слова» – это молитва Богу, произносимая от имени всей новообращенной Русской земли. Иларион в своем творении утверждает историко-философскую идею о том, что в мировой истории, направляемой Божественным Промыслом, происходит смена народов, стоящих в центре исторического процесса. Избранный Богом Израиль и его история – это приуготовление, эпоха закона, а на смену ей идет эпоха благодати, эпоха христианства, эпоха истины и спасения человеческого рода. Князь Владимир потому заслужил похвалу, что он своим подвигом ввел русский народ в «Царство благодати». Иларион особо подчеркивает значение той душевной настроенности Владимира, которая привела его к обращению в веру Христову.

Из нашего изложения видно, что развитие русского монашества от его истоков и до конца XIX в. протекало не без трений и осложнений. Трудности этого развития заключались в том, что монастырской жизни постоянно угрожала опасность обмирщения, даже в те времена, когда насельники монастырей не особенно были склонны к социально-благотворительной деятельности вне монастырских стен. В Русской Церкви монастыри, как мы знаем, никогда не могли совершенно обособиться от народной жизни: вначале потому, что они были культурными центрами страны, позже, с начала XVI в., потому, что к тому времени они вросли в ткань политической и экономической жизни государства, и это ввергало их в процесс обмирщения. Хотя процесс этот зашел весьма далеко и глубоко проник в толщу монастырской жизни, все же правильное представление о назначении и смысле монашеского аскетизма не было безвозвратно утрачено. В какой-то момент возникло сильное стремление еще раз оживить русское монашество изнутри, и духовным источником этого возрождения должно было стать аскетическое и мистическое предание Восточной Церкви. Люди, которые стремились к этому, не измышляли каких-либо планов монастырской реформы сверху, но искали духовного обновления монашества на пути возрождения аскетически-мистического духа в самой среде иночества. История русского старчества, начиная с последней четверти XVIII в. и кончая 1917 г. говорит о том, что стремление это не осталось бесплодным. Процесс обмирщения не уничтожил здоровые силы монашества, об этом свидетельствует не одно только старчество: и вне сферы духовного влияния старцев явлено было много примеров подлинного под-

вижничества, и это может послужить еще одним доказательством того, что правильное представление о смысле и назначении христианской аскезы не было окончательно умирщвлено.

Старчество, вырастившее многих подлинно христианских подвижников, и аскетизм вне сферы духовного воздействия старчества освещали и согревали безжизненную и мрачную атмосферу синодальной эпохи. Ясно, что ревнители монашества и их современники видели в старчестве надежду на дальнейшее возрождение и процветание иноческого жития в России, – надежду, которая исполнилась частично.

На Поместном Соборе РПЦ 1917–1918 гг. возник вопрос о монашестве. Определение от 30 августа – 12 сентября 1918 г. «О монастырях и монашествующих» не касается, строго говоря, церковного управления, в отличие от предыдущих пунктов этой части. В рассматриваемом вопросе о монашестве, о реформе монашеской жизни, прослеживалось само стремление утвердить соборный принцип, ибо монашество, по представлению всего собора, это особый момент в жизни Православной Церкви. Соборное определение преследовало цель усилить единство, соборность не только внутри самих монастырей, но и между монастырями, внутри самого монашества. Монастырь должен быть единой, постоянной общиной. Это положение четко прослеживается в первой главе, подчеркивающей необходимость требований к кандидатам в монашество: ими должны быть не менее чем 25-летние (лицам младше этого возраста необходимо разрешение архиерея). И пребывание монахов в монастыре допускает перемещение только в особых случаях. В подтверждение цитируются каноны нескольких Вселенских соборов.

В Харьковской Епархии в свое время были мужские обители:

1) Архиерейский Дом, бывший Покровский монастырь Харькова. Обитель Покровская была основана в 1728 г. епископом Белгородским Вифанием, существовала до 1799 г., когда была обращена в Архиерейский дом харьковского архиерея. Храм один, двухэтажный: вверху – во имя Покрова Пресвятой Богородицы, внизу – в честь Воздвижения Креста Господня.

2) Ахтырский Свято-Троицкий монастырь в г. Ахтырке в Ахтырском уезде, в 110-ти верстах от г. Харькова и в 4-х – от уездного г. Ахтырки среди равнины, покрытой вековым лиственным лесом, живописно возвышающийся холм, имеющий в окружности до 200, а в высоту – до 15 сажен, в одну сторону внизу вьется речка Ворскла. Этот монастырь был особой святыней для Харьковской епархии.

3) Высочиновский Казанский монастырь в Змиевском уезде.

4) Святогорская успенская пустынь в Изюмском уезде. Святогорская пустынь расположена при реке Северском Донце в местности Святые

горы в полуверсте от почтового отделения, в 18 верстах от станции Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги Славянск, заштатный город. В этом монастыре еще начиная с 1340 г., когда уже действовала полностью Киево-Печерская Лавра, многие искали место, чтобы уединиться. И таким местом стало Святогорье, где впоследствии основана была Святогорская обитель.

Особое место среди монастырей Харьковской епархии занимали и женские обители. Наиболее известный – Богодуховский Свято-Троицкий монастырь в Богодуховском районе. Это общежительный монастырь в нескольких верстах от г. Богодухов, от станции Харьковско-Николаевской железной дороги Богодухов. Основан в 1889 г. в виде женской общины, которая в 1893 г. была преобразована в монастырь, где был один домовый храм, и в то время строился другой храм – во имя Святой Троицы. А также была Казанская община в Ахтырском уезде, Серафимский Скорбященский монастырь, Хорошевский Вознесенский монастырь и другие монастыри Харьковской области.

Совершенно очевидно, что монашеская жизнь не ограничивалась пределами Харьковской епархии, всероссийскими светильниками монашества сияли уже упомянутая нами Оптина пустынь и Шамордино, Саровский и Серафимо-Дивеевский монастыри, Соловецкий и Валаамский мужские монастыри. Об одном из таких давних очагов монашеской жизни наш дальнейший рассказ.

Валаам – уютный и тихий кусочек земли, скалистые берега которого возвышаются над буйными водами Ладожского озера. Точнее сказать, это целый комплекс, называемый Валаамским архипелагом, а сам Валаам – крупнейший из островов, поэтому часто эти два понятия не различают. Сюда приезжают паломники, чтобы прикоснуться к святым местам, и туристы, чтобы отдохнуть от суеты и насладиться невероятной разнообразной природой.

Само название остров получил много столетий назад, когда здесь жили финно-угорские племена, а позже карелы. История возникновения полна легенд и загадок. Название, предположительно, произошло от финно-угорского «валамо» – «высокая земля».

По преданию, начало Валаамскому Спасо-Преображенскому монастырю положил апостол Андрей Первозванный, установив каменный крест во время распространения христианства. Особо почитаются на Валааме преподобные Сергий и Герман, основавшие здесь монашеское братство. У историков нет единого мнения о времени основания монастыря на землях Валаама. По одной версии, связанной с Авраамием Ростовским, это X–XII вв., по другой – XII–XIV вв.

За свою историю острову пришлось пережить немало испытаний. Это военные столкновения со шведами, эпидемии. Обитель была полностью уничтожена и возрождалась вновь. Валаам, как и вся Карелия, более чем на столетие оказался под властью Швеции, а, значит, и под другой верой. Однако, в 1715 г., после очередной войны со шведами, указом Петра I началось восстановление обители. Вскоре было построено каменное здание монастыря, а к концу XIX в. – церкви скитов. Материалы для строительства изготавливались на острове. Строителем называют игумена Дамаскина, при котором шло активное строительство, а также росла численность братии.

В 1887 году состоялось освящение закладного камня соборного храма. Здесь был воздвигнут величественный Спасо-Преображенский собор.

Новые испытания пережил Валаам в XX в. В 1918–1940 гг. остров принадлежал Финляндии. Монастырь не переставал жить, однако столкнулся с проблемами голода, эпидемии, на острове велись фортификационные работы. Был также введен новый календарь, в результате чего некоторые монахи были вынуждены уехать, так как отказались подчиниться.

Во время очередного обострения советско-финских отношений Валаам неоднократно подвергался бомбардировкам. В результате мирного договора Карелия, в том числе и Валаам, вновь отошли к СССР. На территории Финляндии эвакуированными во время военных действий монахами был основан Ново-Валаамский мужской православный монастырь.

Только в 1997 г. на Валааме начались реставрационные работы и возобновилась монашеская жизнь. Сейчас братия насчитывает более ста человек. Есть на острове и местное население, порядка 460 человек, однако существуют планы по его переселению в близлежащий город Сортавала.

Чтобы обойти все достопримечательности острова Валаам нужен далеко не один день. Ведь это целый ансамбль из множества церквей, часовен, крестов и других сооружений в сочетании с удивительной природой. А к некоторым скитам можно добраться только по воде.

Главным сооружением Валаамского монастыря, несомненно, является собор во имя Преображения Господня. Он расположен на возвышенности, куда ведет лестница, начинающаяся недалеко от причала Монастырской бухты. Вход на территорию монастыря по всем правилам: женщинам необходимо быть в юбке и с покрытой головой. На самой территории монастыря фотографировать запрещено.

Особенность Валаама также являются скиты. Чтобы попасть к ним от монастыря нужно идти по главной монастырской дороге на юго-запад острова. А если вы прибываете в Никоновскую бухту, то начать осмотр достопримечательностей лучше именно со скитов. Вообще многие задаются

вопросом, что такое скит. Это место, где монахи живут небольшими группами, то есть ведут более уединенный образ жизни. Как правило, скит имеет свой устав и храм. Житель скита – скитник (а не скиталец).

Одним из первых на пути паломников встречается Воскресенский скит. Согласно преданию, именно здесь поставил крест св. апостол Андрей Первозванный. Особенностью скита является то, что он состоит из верхней и нижней церквей. Нижняя устроена наподобие пещеры храма Гроба Господня в Иерусалиме. Нижняя церковь – уютная, без излишеств, над головой имеет не купол, а ровную поверхность.

Кроме Воскресенского скита, внимания посетителей, безусловно, заслуживают Гефсиманский, Коневский, Владимирский скиты.

Бесчисленные паломники ежегодно притекают в Валаамский монастырь, с верою и надеждою прося помощи у главных святых обители в исцелении телесных и душевных недугов. Ежедневно в Спасо-Преображенском соборе перед чудотворными святынями совершаются молебны, на которых возносятся молитвы за страждущих. Особенно много богомольцев собирается на молебны свв. преподобным Сергию и Герману Валаамским. На сегодняшний день в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре собрано немало святых. В 1789 г. казначеем Иннокентием с братией был выстроен и освящен новый соборный храм преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев, где их мощи почивают под спудом. Свидетельством благодатной молитвенной помощи преподобных являются многочисленные чудеса, явленные по вере молящихся. В монастыре есть также мощи преподобного Антипы Валаамского, и величайшая святая – чтимый список Валаамской иконы Божьей Матери.

Рассматривая процесс духовной жизни монашества периода Киевской Руси, времени XVII–XVIII вв., времени XX–XXI вв., необходимо сказать, что этот духовный опыт монастырей, духовный опыт жизни христианской глубоко вобрал в себя схиархимандрит Григорий (Давыдов) с рассказа о жизни которого и начиналась наша лекция. Так и замыкается временной круг: от Христа Спасителя и первых подвижников благочестия до современных нам старцев-монахов простирается непрерывная духовная преемственность монашеского делания, делания без которого немислимо существование истинного христианства.